

Анна
Гурова

ПОСЛЕДНИЙ ВОИН ИМПЕРИИ

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Г95

Гурова, А.Е.

Г95 Последний воин империи / А.Е. Гурова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 402 с. — (Миры Анны Гуровой).

ISBN 978-5-521-73629-4

На протяжении столетий жестокая раса людоедов-соххоггоев, порождённая древней магией, правила страной Конг — пока не довела до открытого бунта все подвластные народы. Соххоггои были непревзойденными воинами, понимали толк в магии, умели при желании очаровать любого, но это им не помогло. Бывшие правители были вырезаны под корень, вместе с детьми, стариками и женщинами. Пощадили лишь одного младенца женского пола, которого взяла на воспитание аристократическая семья Асенаров.

Необычная девочка росла, изучала мир, ломала сверстникам руки-ноги, влюблялась, изучала боевые искусства, собиралась учиться на флотского офицера... Пока однажды не оказалось, что юная Инги — единственный ключ к древнему магическому сверхоружию, на которое точат зубы многие могущественные силы этого мира.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-73629-4

© Гурова А.Е., 2021
© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

Часть 1

Инги и ящер

ГЛАВА 1.

ЗАМОК АСЕНАРОВ

Редкий снег падал на красные крыши Аттура. Над крышами к тяжелым облакам поднимались дымки очагов. С высоты городские улицы казались коричневыми полосами, грубо прочерченными на белом, — снег там уже растаял, тележные колеса и лапы ездовых псов перемешали воду с грязью. Вдалеке темнела река, а за ней, за пеленой снега, длинной зубчатой грядой поднимались горы Хольда.

7

Снежинки кружились в воздухе, залетали в открытые окна светлого просторного зала. От вымощенного каменными плитами пола тянуло жгучим холодом. Под высоким сводчатым потолком гуляло эхо звонких детских голосов. Резкие выкрики сменялись сосредоточенной тишиной, а тишина взрывалась топотом, стуком и треском.

Холодный зал был предназначен для занятий — здесь упражнялись в боевых искусствах знатные мальчики рода Асенаров, их родичи и вассалы.

Сейчас занимались пятеро мальчиков от восьми до двенадцати лет. Их наставник Торд, если не вглядываться, казался таким же мальчиком — старшие ученики уже

обогнали его в росте. Неудивительно, ведь он был вагаром. Вагары считались лучшими в мире наставниками в воинских искусствах, но традиционно учили детей только двух знатных семейств — Асенаров и Роанов. Как и все вагары, Торд был долгожителем. Он обучал боевым искусствам уже третье поколение этой боковой ветви Асенаров, начиная с покойного Гардараса, отца Робура, нынешнего хозяина замка. Внешне Торд выглядел мужчиной средних лет с короткой темной бородой, жилистым и коренастым — только ростом был не выше десятилетнего ребенка.

8

В центре зала в боевой стойке замер двенадцатилетний Аскель, старший сын Робура. Его глаза плотно закрывала повязка, в руке он держал палку. Остальные четверо, стараясь ступать бесшумно и даже не дышать, медленно окружали его с разных сторон. Но ошибся бы тот, кто бы решил, что Аскель прислушивается к их шагам. Он был сосредоточен и неподвижен, пытаясь применить тридцать девятое правило Мангхел-Сёрк. Торд не настаивал, чтобы дети учили их наизусть, — главное, чтобы поняли суть.

«Очерти круг и сделай его продолжением себя. Пусть твоя сила хранит его целостность, словно это твое собственное тело. Только ограниченное число врагов может преодолеть его границу, сила же вставшего на путь — беспредельна...»

Мальчики подкрадывались всё ближе, занося палки. Торд уже видел то, чего они не замечали: как вокруг Аскеля словно гаснут звуки, образуя кольцо тишины, в котором не существовало пространства и времени... Вдруг палка в его руках взметнулась, описала в воздухе круг и снова опустилась. Ни один из четверых мальчиков

не успел отразить удар или уклониться. Двое выронили свое оружие, тряся ушибленными руками. Аскель снял повязку и радостно улыбнулся.

— Ну как? — воскликнул он, сверкая синими глазами. — Ведь получилось?

— Уже лучше, — сдержанно (чтобы не зазнался) похвалил его Торд. — Ну, пожалуй, хватит на сегодня. А скажите мне, что творится с Гили? Почему он уже третий раз заглядывает в дверь, а внутрь не идет? Заболел?

Младшие мальчики захихикали.

— Он сломал руку, — ответил один из них.

— Может, мне объяснят, что смешного в сломанной руке?

— Ему сломала руку сестра, — объяснил второй.

Вагар тоже засмеялся:

— Вот так сестра! Умеет за себя постоять.

— Да они не дрались, она нечаянно!

Вдалеке скрипнула тяжелая дверь, и в щель просунулась еще одна беловолосая голова.

— Вы уже закончили? Можно?

Вошел мальчик с рукой в лубке, поклонился вагару:

— Я не хотел заходить и мешать. Учитель, простите, я не смогу заниматься в ближайшее время...

— Ну-ка покажи... Как это случилось?

— Я хотел взять куклу сестры, а она схватила меня — и рука сломалась...

— Как это — сломалась? Сколько же лет твоей сестре?

Гили растерялся — видимо, это вопрос никогда не приходил ему в голову.

— Кажется, семь, — ответил за него Аскель. — Инги просто очень сильная. А зачем он к ней полез? Сам виноват!

Торд хмыкнул и покачал головой.

Отпустив детей, он направился не к себе, а в малый обеденный зал. Там горел огромный, вполстены, камин. Пламя гудело в дымоходе. Близилось время обеда, слуги накрывали длинные столы. Те, кто не был занят, разнося блюда, толпились у огня, чтобы урвать толику тепла в непривычно холодный для этих краев зимний день. Торд пробрался сквозь толпу. Справа от камина он обнаружил ту, кого искал, — Адальберту, хозяйку замка. Формально хозяйкой считалась молодая беременная женщина, сидевшая там же, — жена Робура. На самом деле всем заправляла его мать, статная пожилая дама. Адальберта приветливо кивнула учителю. Торд подошел к ней, поклонился в ответ и задал вопрос.

С губ Адальберты сбежала вежливая улыбка.

— А, эта Инги... Она, в сущности, незлая девочка, но очень неуклюжая. К тому же туповата. Я постоянно пытаюсь объяснить ей, почему она поступает плохо, а она словно не понимает. И раз за разом совершает проступки...

— Ломает руки братьям? — ухмыльнулся Торд.

— Не только братьям. И не только руки. Она портит всё, к чему прикоснется. Мы наказываем ее, но нельзя же постоянно колотить девочку за мелкие провинности? Что с ней делать, когда начнутся крупные?

Вагару стало еще интереснее.

— Можно на нее взглянуть?

— Да, если хотите, — сухо ответила Адальберта. — Инги сейчас в девичьей башне, с другими девочками. Там теплее.

Они вместе вышли из зала, прошли темным коридором и направились наверх по сумрачной винтовой лестнице.

В девичьей башне было уютно, светло и тепло. В застекленные витражные окна лился разноцветный свет.

Пахло духами, цветочным воском и сушеными яблоками. Девицы и девочки, сидя кругом за пядьцами, вышивали шелком. Чтобы подруги не заскучали, одна из них, поставив перед собой пюпитр с нотами, играла на цитре и нежным голоском пела балладу об отважном рыцаре и ужасном магхаре. Когда вошла Адальберта, пение прервалось. Рукодельницы отложили пядьцы, привстали и приветствовали ее хором:

— Здравствуйте, госпожа бабушка!

Адальберта кивнула, и девицы вернулись к своему занятию. Снова забренчала цитра.

— Вон она. — Адальберта указала в дальний угол.

Там сидела мрачная девочка в голубом платице и с явным отвращением ковырялась иголкой в натянутом на пядьцы шелке.

— Иди сюда, Инги!

Девочка встала, подошла поближе и присела в неглубоком реверансе, с подозрением глядя на вагара. Прочие девочки сразу зашущукались, с любопытством ожидая, что будет. Особенного сочувствия в их любопытстве не ощущалось. В самом деле, девочка была не из тех детей, что вызывают приязнь с первого взгляда. Да и со второго тоже. Маленького роста, болезненно худая, некрасивая; бледное лицо без всякого намека на румянец, у висков — две пепельные косички баранками. Но хуже всего были ее глаза под белесыми бровями: бесцветные, неподвижные и холодные, как у ящерицы.

— Гили первый начал, — сказала она сиплым простуженным голосом. — Куклу у меня хотел отобрать. И вообще он слабак. Я ему всего-то одну руку сломала, а он сразу плакать.

Адальберта выразительно покосилась на Торда: что, посмотрелся?

Вагар не сводил с девочки заинтересованного взгляда. Если судить по внешнему виду, эта худышка не может сломать и тростинку. Но внешность бывает обманчива — кому, как не ему, это знать! Теперь, когда она стояла рядом, вагар видел, что ее глаза не бесцветные, скорее уж розоватые: радужка усеяна мелкими красными точками. Ему стало не по себе — что-то он слышал про подобные глаза...

Девочка спокойно стояла и ждала. Ее, кажется, не очень интересовало, зачем ее позвали. Торд покосился на Адальберту. На его языке вертелись вопросы, но он не был уверен, что имеет право их задать. В конце концов, может оказаться, что он ошибается. Альбиносы рождаются и среди обычных людей...

— Дай-ка взглянуть на твое рукоделие, — попросил Торд, кое-что придумав.

12

Он протянул руку к пальцам, которые девочка держала в руках, подумав про себя — а забавно вышло бы, если бы она попыталась сломать руку и ему. Но девочка отдала ему рукоделие даже с охотой. Должно быть, с еще большим удовольствием она выкинула бы его в окошко.

— Да ты мастерица, — проговорил Торд, рассматривая корявый орнамент, на котором гроздь ягод напоминали комки мышинного помета. — Я бы так точно не сумел.

Девицы приглушенно захихикали.

— Инги, ступай на место, — сказала Адальберта.

Бледная девочка взяла вышивку, еще раз присела перед бабушкой — и вернулась на место.

— Эй, малышка! — окликнул ее Торд, когда она подошла к своему табурету в дальнем углу. — Я кое-что забыл тебе отдать...

И, чуть заметно шевельнув пальцами, бросил ей иголку, которую потихоньку вытащил из вышивки чуть рань-